

ВНУТРЕННИЙ СВѢТЪ.

...τὸ φῶς τὸ ἐν σοί...

Мф. VI, 23; Лк. XI, 35

Стихи 22 и 23 шестой главы евангелія по Матеею съ параллельнымъ текстомъ евангелія по Лукѣ (XI, 33—36) образуютъ одно изъ труднѣйшихъ для истолкованія мѣстъ Свящ. Писанія. Пишущему эти строки приходилось слышать и читать различныя объясненія даннаго мѣста, но ни одно изъ нихъ не могло дать чувство полнаго удовлетворенія. Минувшимъ великимъ постомъ мнѣ пришлось еще разъ задуматься надъ словами Спасителя о „свѣтъ, иже въ тебѣ“. Подъ рукой у меня былъ исправленный текстъ Новаго Завета въ изданіи и съ примѣчаніями В. Weiss'a. Прочитавъ по-гречески изреченіе, я познакомился и съ объясненіемъ, даваемымъ ему въ примѣчаніи Б. Вейссомъ. Но и оно меня не удовлетворило—своей мало-опредѣленностью и необоснованностью. По счастливой случайности, въ тотъ же день мнѣ пришлось быть въ академической библиотекѣ. Обозрѣвая текущую печать, я встрѣтилъ въ журналѣ Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie статью Das Auge ist des Leibes licht со ссылкой на то самое мѣсто Евангелія, которымъ въ это время былъ заинтересованъ и я. Беру журналъ и читаю. Статья подписана именемъ нѣмецкаго пастора—Фридриха Швенке (Fr. Schwepcke). Изъ этой статьи я узнаю, что и нѣмецкій комментаторъ Юлихеръ (Jülicher) признаетъ Мф. VI, 22—23 труднѣйшимъ для пониманія отрывкомъ и что различные экзегеты понимаютъ его за границей, какъ и у насъ, различно. Что касается самого автора, то онъ, обращая вниманіе на этический оттѣнокъ выраженій: ἀπολῦς и κοηρός,—характеризующихъ ὀφθαλμόςъ съ положительной и отрица-

тельной сторонѣ, стремится дать односторонне-назидательный комментарий. Тогда я самъ сталъ вчитываться въ греческій текстъ и былъ пораженъ ослѣпительно-яснымъ смысломъ изреченія

τὸ φῶς τὸ ἐν σοί.

Меня какъ бы озарилъ своего рода свѣтъ и я понялъ, постигъ всѣмъ существомъ своимъ, что въ указанныхъ мѣстахъ обоихъ евангелій рѣчь идетъ именно о томъ самомъ свѣтѣ, одно изъ слабѣйшихъ осіяній котораго является собою произведенное имъ только что во мнѣ впечатлѣніе и пониманіе... Дальнѣйшія строки и представляютъ собою изложеніе этого пониманія.

I.

Опытъ повседневной жизни непосредственно вѣщаетъ намъ о существованіи видимаго свѣта. Какъ элементъ вѣдъ насъ сущаго міра, свѣтъ этотъ въ отношеніи къ нашему собственному существу, является чуждымъ, „внѣшнимъ“; по характеру воспріятія,—чувственнымъ; по субстрату—материально-физическимъ. Сомнѣваться въ его существованіи или отрицать его имѣетъ основаніе только слѣпороджденный. Воспринимать его можетъ не только человѣкъ, но и животное, даже не надѣленное особымъ органомъ зрѣнія, а впитывающее его въ себя, такъ сказать, всею своею чувствующею поверхностью. Безъ свѣта, наконецъ, не живетъ ни одно растеніе, которае, какъ бы оно ни было элементарно и чахло, всегда тянется къ источнику свѣта; слѣпое, оно, тѣмъ не менѣе ищетъ его; не имѣющее зрѣнія и воли, стремится къ нему, испытываетъ, какъ выражаются біологи, *фототропизмъ*. Ученію о свѣтѣ посвящается цѣлый большой отдѣлъ физики; о немъ же трактуютъ: физиологія и медицина—въ главахъ, изслѣдующихъ строеніе и болѣзни глаза, какъ органа воспріятія свѣта, и біологія, рассматривая свѣтъ, какъ одно изъ условій органической жизни. Такъ обстоитъ дѣло съ внѣшнимъ, чувственнымъ, материально—физическимъ свѣтомъ.

Но есть другой свѣтъ, который, по противоположности съ первымъ и по характеру среды, гдѣ онъ обнаруживается, можетъ быть названъ, внутреннимъ, духовнымъ. Этотъ свѣтъ столь же реаленъ, такъ же важенъ для жизни духовной, сколь и какъ реаленъ и важенъ первый въ мірѣ физиче-

скомъ, для жизни органической. Лишь при наличности этого свѣта, становится доступнымъ созерцаніе предметовъ и красота духовнаго міра. Только подъ условіемъ „внутренняго“ освѣщенія въ той или другой степени, возможенъ правильный ростъ, цвѣтеніе и плодоношеніе души. Къ сожалѣнію, этотъ свѣтъ игнорируется не только психологіей, наукой о душевныхъ явленіяхъ, одно изъ которыхъ онъ составляетъ, но и, что всего удивительнѣе, теологіей, изучающей религіозную сторону жизни, гдѣ этотъ свѣтъ всего интенсивнѣе и чаще обнаруживается. Причина этому лежитъ, быть можетъ, какъ въ самой природѣ внутренняго свѣта, такъ и въ воспринимаящихъ его способностяхъ человѣка. Понятіе научной объективности слишкомъ сужено и ограничено внѣшней, эмпирической реальностью, или душевной обыденностью, тогда какъ внутренній свѣтъ представляетъ собой явленіе иного, высшаго порядка. Съ другой стороны, если въ отношеніи къ физическому свѣту, воспринимаемому даже животными, существуютъ индивидуумы, лишенныя возможности и счастья зрѣть его, то еще болѣе должно быть слѣпыхъ въ отношеніи свѣта внутренняго, для воспріятія котораго нѣтъ ни специфическаго органа, ни соответствующихъ всегда нравственныхъ условій. Однако, сколько бы наукой ни игнорировался,—а нѣкоторыми даже и,—отрицался внутренній свѣтъ, онъ представляетъ собою несомнѣнный фактъ духовной, въ особенномъ же смыслѣ-религіозной жизни человѣка. Источникъ утвержденія этого факта тотъ же, что и въ отношеніи къ физическому свѣту, т. е. опытъ, только не внѣшній, а, соответственнo характеру самого феномена, главнымъ образомъ внутренній. Что же касается игнорирующей науки и нѣкоторыхъ, совсѣмъ не признающихъ духовнаго свѣта, то первая не можетъ претендовать на званіе единственной выразительности универсальной истины, а „нѣкоторые“ могутъ быть и „слѣпы“. Не касаясь пока природы внутренняго свѣта, констатируемъ лишь самый фактъ, его наличность въ опытѣ человѣчества.

Начну съ высшихъ ступеней христіанской мистики, гдѣ „внутренній свѣтъ“ имѣетъ особое значеніе, гдѣ его интенсивность равна силѣ физическаго свѣта и гдѣ, поэтому, его созерцаніе сопровождается наивысшимъ чувствомъ ре-

альности. Документы такого интимнаго содержанія не многочисленны, и какъ всей своей совокупностью, при значительной иногда хронологической отдаленности другъ отъ друга и авторской независимости, такъ и каждый отдѣльно, благодаря своей искренности и правдивости въ другихъ отношеніяхъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ дѣйствительности внутренняго свѣта.

Вотъ немногіе—изъ очень многихъ примѣровъ:

Преподобный Симеонъ, Новый Богословъ, въ одномъ изъ своихъ словъ (91-е по переводу еп. Феофана; изд. 2-е, Москва, 1890, стр. 496) въ молитвенной, слѣдовательно, наиболѣе искренней, формѣ выражаетъ слѣдующее: „Приходя такимъ образомъ ко мнѣ и отходя довольно долгое время, Ты, все яснѣе и яснѣе являлся мнѣ, все больше и больше омывалъ меня водами своими, и даровалъ мнѣ видѣть свѣтъ все болѣе и болѣе чисто, все болѣе и болѣе обильно. Дѣлая это для меня многое время, Ты, наконецъ, сподобилъ меня увидѣть и нѣкое страшное таинство. Однажды, когда ты, пришедши, орошалъ и омывалъ меня, какъ мнѣ казалось водами и многократно погружалъ меня въ нихъ, я видѣлъ молніи, меня облиставшія, и лучи отъ Лица Твоего, смѣшивавшіяся съ водами, и видя, какъ омываемъ быть водами свѣтовиднѣйшими и блестящими, пришелъ въ изступленіе“...

Тотъ же Святой Отецъ объ одномъ послушникѣ (по всей вѣроятности, о самомъ себѣ) передаетъ вотъ что. „Одинъ юный рассказывалъ мнѣ, что былъ онъ послушникомъ у одного старца благоговѣйнаго, равнаго по добродѣтелямъ великимъ святымъ, и слыша, какъ онъ часто говаривалъ, что на тѣхъ, которые подвизаются, свыше приходятъ божественныя озаренія и множество свѣта, въ каковомъ состояніи бываетъ и собесѣдованіе Бога съ человѣками, удивлялся сему, и такое, говорилъ онъ мнѣ, возымѣлъ я желаніе получить и себѣ такое благо, что отъ жажданія того, забывалъ все земное и небесное,—забывалъ пищу и питіе, и всякой тѣлесный покой... Въ одинъ день пошли мы въ городъ, близъ котораго онъ жилъ, для посѣщенія духовныхъ дѣтей его, и пробыли тамъ весь день. Вечеромъ возвратились мы въ келлію, отъ большого труда и жара алчныя и жаждущіе: ибо старецъ не имѣлъ обычая гдѣ либо ѣсть или отдыхать;—было же тогда лѣто, и старцу,—годовъ съ шестьдесятъ.

Когда събли мы за столъ, я не ѣлъ, потому что очень утомился и думалъ, что если поѣмъ и попью, то совсѣмъ не смогу стать на молитву, и съ обычнымъ жаромъ испрашивать желаемаго. Такъ думалъ я и сидѣлъ, какъ бы находясь внѣ себя. Тогда святой мой, смотря на меня и, по дару пресорливости, зная причину, по которой я не ѣлъ, и какими мыслями занята голова моя, возъимѣлъ жалость ко мнѣ и сказалъ: ѣшь, чадо, и пей, и отнынѣ оставь всякую печаль; потому что если бы Богъ не хотѣлъ явить тебѣ милость, то не благоволилъ бы Онъ привести тебя ко мнѣ. Итакъ, поѣли мы и напились, паче нежели вдоволь; ѣлъ и онъ, снисходя къ моему изнеможенію. Когда потомъ убрали мы трапезу, говорить мнѣ онъ: вѣдай, чадо, что Богъ не благоволилъ много ни къ посту, ни къ бдѣнію, ни къ другому какому тѣлесному труду, ни какому другому добродѣлю, и не являетъ Себя никому другому, кромѣ только смиренной, непытливой и благой души и сердца... Отпуская меня, старецъ далъ мнѣ заповѣдь—прочитать на ночь лишь Трисвятое,—и лечь. Вошедши туда, гдѣ имѣлъ я обыкновеніе молиться, и начавъ: „Святой Боже“,—и вспомнивъ слово святаго старца, я вдругъ заплакалъ, и въ такія пришелъ слезы, и въ такой пламень къ Богу, что не могу выразить того словомъ, ни той радости и сладостнаго утѣшенія, какія были тогда во мнѣ. Падши затѣмъ лицомъ наземь, я увидѣлъ нѣчто дивное, ибо се—*возсіалъ мысленно во мнѣ великій свѣтъ* (курсивъ мой) и взялъ къ себѣ весь мой умъ и всю душу. Изумился я такому чуду внезапному и сталъ какъ внѣ себя, забывъ и мѣсто, въ которомъ стоялъ, и что такое я, и гдѣ я,—вопіялъ только: „Господи помилуй“, какъ догадался, когда пришелъ въ себя... Въ душѣ же моей онъ произвелъ радость великую, чувство умное и сладость, высшую всякой сладости чувственной. Сверхъ того онъ даровалъ мнѣ дивно свободу и забвеніе всѣхъ помысловъ, кои въ мірѣ, и открылъ самый способъ исхожденія изъ настоящей жизни; потому что всѣ чувства ума и души моей прилѣплены были тогда къ единому неизреченному веселію и радости отъ того свѣта.—Но когда безмѣрный тотъ, явившійся мнѣ, свѣтъ мало-по-малу умалился, и наконецъ совсѣмъ сталъ невидимъ, тогда я пришелъ въ чувство и позналъ, какія дивности внезапно произвела во мнѣ сила того

свѣта... Свѣтъ оный“,—продолжалъ ученикъ великаго старца, описывая дѣйствія открывшагося въ немъ съ такою силою духовнаго свѣта: „свѣтъ оный, когда является, веселить, и когда скрывается, оставляетъ рану и болѣзнь въ сердцѣ. Приходя, или выходя на меня, онъ возводитъ меня на небеса, одѣвая и меня свѣтомъ. Онъ является мнѣ, какъ нѣкая звѣзда, и есть невмѣстимъ для всей твари, сіяетъ какъ солнце,—и мнѣ понятно, какъ вся тварь держится силою его. Онъ показываетъ мнѣ все, что есть въ твореніи,—и повелѣваетъ мнѣ не заходить за предѣлы человѣческаго естества. Меня объемяютъ кровля и стѣны, а онъ отверзаетъ мнѣ небеса. Поднимаю чувственныя очи мои, чтобъ посмотрѣть, что есть на небѣ, и вижу, что тамъ все такъ же есть, какъ было прежде“... (Слово 86-е по тому же изданію; стр. 435—439).

Такія же данныя о „внутреннемъ свѣтѣ“ можно встрѣтить въ твореніяхъ и другихъ отцовъ—мистиковъ: Преп. Макарія Великаго, Преп. Исаака Сирскаго, до позднѣйшихъ включительно: еп. Теофана, прот. Іоанна Кронштадтскаго.

Однако, не одними „мистиками“, но и святыми отцами—„теоретиками“ „внутреннему свѣту“, выступающему, впрочемъ, у нихъ въ сравнительно слабой (интеллектуальной) формѣ, придается огромное значеніе.

Возьму въ примѣръ Св. Григорія Богослова. Изъ его твореній не видно, чтобы ему были извѣстны мистическія состоянія, характерныя для только что цитованнаго Преп. Симеона Новаго Богослова. Но и онъ въ своихъ словахъ столь часто упоминаетъ о „свѣтѣ“, такъ много восписуетъ ему въ области бого-вѣдѣнія и вообще познанія истины, что не можетъ быть и сомнѣнія, о какомъ именно свѣтѣ говоритъ онъ.

Такъ, въ началѣ слова „о поставленіи епископовъ и о догматѣ Святыя Троицы“ (20-го по русскому переводу, 3 изд. „Твореній“, ч. 2-я, Москва, 1889; стр. 133—134) читаемъ: „Когда смотрю на усиливающуюся нынѣ болѣзнь языка, на скороспѣлыхъ мудрецовъ, на производимыхъ вновь богослововъ, для которыхъ довольно только захотѣть, чтобы стать мудрыми: тогда ощущаю потребность высшаго любомудрія, ишу съ Іереміею „виталица послѣдняго“ (Іер. 9, 2.), и же-

лаю быть одинъ съ самимъ собою. Ибо для меня всего кажется лучше, замкнувъ какъ бы чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, безъ крайней нужды не касаясь ни до чего человѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго, всегда носить въ себѣ божественные образы, чистые, не смѣшанные съ дольными и обманчивыми впечатлѣніями, быть и непрестанно дѣлаться какъ бы неомраченнымъ зеркаломъ Бога и божественнаго, *приобрѣтати по святому свѣту, — къ женте ясному лучезарнѣйшій* (курсивъ мой); пока не взойдемъ къ Источнику тамошнихъ озареній, и не достигнемъ блаженнаго конца, когда дѣйствительность сдѣлаетъ не нужными зеркала. Посему, едва ли кто въ состояніи преодолѣть влекущее долу вещество, развѣ уже обучилъ себя долговременнымъ любомудріемъ, и постепенно отторгалъ отъ низкаго и сопряженнаго со тьмою, что есть въ душѣ благороднаго и свѣтовиднаго, или удостоился Божіей милости, или, сверхъ того и другаго, прилагалъ всевозможное стараніе вознестя взоръ свой горѣ. А пока нѣтъ силъ преодолѣть вещественное, достаточно очистить слухъ и мысли; до тѣхъ поръ не безопасно принимать на себя попеченіе о душахъ и вдаваться въ богословствованіе“.

Особенно много разсыпано св. Григоріемъ Богословомъ свидѣтельствъ о „внутреннемъ свѣтѣ“ въ словахъ: „на святые свѣты явленій Господнихъ“ и „на святое крещеніе“ (39 и 40 по тому же изд.). Такъ, въ послѣднемъ словѣ, говоря о трехъ живыхъ „свѣтахъ“: Богѣ, какъ свѣтъ высочайшемъ и самобытномъ, Ангелѣ, свѣтъ вторичномъ и заимствованномъ, и человѣкѣ, признаваемомъ за свѣтъ даже въ языческомъ мірѣ, Св. Григорій называетъ другіе виды и откровенія свѣта: перво-занный, райскую заповѣдь, законъ, купину, огненный столпъ, колесницу Или, свѣтъ вѣлелемскій и т. д. „Сверхъ сего“—заканчиваетъ свое перечисленіе Св. Григорій: „свѣтъ въ собственномъ смыслѣ есть просвѣщеніе Крещенія, о которомъ у насъ нынѣ слово, и въ которомъ заключается великое и чудное таинство нашего спасенія“ (40-е сл., ч. 3-я; стр. 226—228).

Опредѣляя подробно характеръ ваптезматическаго просвѣщенія, Св. Григорій Богословъ говоритъ: „Просвѣщеніе есть свѣтлость душъ, измѣненіе жизни, „вопрошеніе совѣсти“, которая отъ Бога (1 Петр., 3, 21.). Просвѣщеніе есть пособіе

въ нашей помощи, отложеніе плоти, послѣдованіе Духу, общеніе съ Словомъ, исправленіе созданія, потопленіе грѣха. *присчастіе свѣта*, (курсивъ мой), разсвѣніе тьмы. Просвѣщеніе есть колесница возносящая къ Богу, сопутствованіе Христу, подкрѣпленіе вѣры, совершеніе ума, ключъ царствія небеснаго, перемѣна жизни, снятіе рабства, разрѣшеніе отъ узъ, претвореніе состава. Просвѣщеніе (нужно ли перечислять многое?) есть лучший и величественнѣйшій изъ даровъ Божіихъ. Какъ есть именуемое Святая - Святыхъ и пѣсни пѣсней; поколику послѣднія многообъемлющи и особенно важны; такъ и оно свѣтлѣ всякаго инаго, возможнаго для насъ, просвѣщенія“. (Тамъ же, стр. 225). Изъ такой характеристики „просвѣщенія“ ясно видно, что тотъ свѣтъ, о которомъ учитъ Григорій Богословъ, носитъ характеръ *внутренне-духовный*.

Тотъ же самый „внутренній свѣтъ“ переживали и констатировали въ своихъ твореніяхъ Св. Кириллъ Іерусалимскій, Св. Василій Великій и другіе Отцы Церкви, теоретики и практики.

Энергія „внутренняго свѣта“ бываетъ иногда столь велика, что, какъ бы не довольствуясь озареніемъ „внутренняго человѣка“, она излучается во-внѣ и по-своему „превращается“ въ энергію видимаго свѣта, одѣвая собою, „яко ризою“, даже тѣло человѣка. Примѣры такой видимой свѣтозарности отъ преисполненія души внутреннимъ свѣтомъ среди святыхъ безчисленны. Начнемъ съ подвижниковъ послѣдняго времени.

Всѣмъ интересующимся явленіями мистической жизни долженъ быть хорошо извѣстенъ, записанный очевидцемъ (Мотовиловымъ), случай изъ жизни Преп. Серафима Саровскаго. Сидя на карточкахъ на полянкѣ среди саровскаго лѣса, засыпаемый снѣгомъ (какая „жалкая“, уничиженная обстановка!), Преп. Серафимъ явилъ ученику своему и почитателю Мотовилову „славу свою“, внѣшне обнаружилъ внутренне-присущую ему Благодать Св. Духа. Ликъ его просіялъ, какъ солнце, что вызвало даже своеобразное отраженіе духовнаго свѣта на лицѣ самого Мотовилова.

Нѣчто подобное передается изъ жизни оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія.

Менѣ замѣтное просвѣтленіе лица наблюдалось также у еп. Теофана, прот. Іоанна Кронштадтскаго и др.

Если мы углубимся въ вѣка древности христіанской, когда пульсъ благодатной жизни бился интенсивнѣе, то, вмѣстѣ съ другими внѣшними обнаруженіями „горѣнія духа“, мы и видимыхъ излученій внутренняго свѣта найдемъ гораздо болѣе, чѣмъ въ наше „просвѣщенное“ время. Сколько такихъ случаевъ собрано и записано въ одномъ „Лугѣ Духовномъ“, аскетическомъ памятникѣ VI в., твореніи блаж. Іоанна Мосха! Сколько ихъ въ другихъ подобныхъ документахъ до „Житій“ включительно!

Объ одномъ подвижникѣ, напр., рассказывается, что онъ никогда не возжигалъ огня въ своей кельѣ, такъ какъ она и безъ того всегда была озарена яркимъ свѣтомъ, что могли наблюдать и посторонніе.

О другомъ подвижникѣ (Павлѣ Латрскомъ) сообщается, что достаточно ему было стать на молитву и воздѣть руки къ небу, какъ эти самыя руки начинали сіять, точно лампы и т. д. и т. д.

Приведу еще одинъ примѣръ изъ твореній уже цитированнаго выше Святого Отца—„теоретика“.—Св. Григорій Богословъ въ словѣ, посвященномъ своему отцу Григорію Старшему (18-мъ по цит. изд.) рассказываетъ, со словъ очевидцевъ, о чудѣ—явленіи свѣта, происшедшемъ при крещеніи отца. „Предложу о семъ во услышаніе однихъ вѣрныхъ, ибо душамъ нечистыхъ все кажется невѣроятнымъ. Родитель приступаетъ къ возрожденію водою и духомъ, чрезъ которое, какъ исповѣдуемъ предъ Богомъ, образуется и совершается человекъ Христовъ, земное прелагается въ духъ и возсозидается. Приступаетъ же къ омовенію съ пламеннымъ желаніемъ, съ свѣтлою надеждою, предпочистивъ себя сколько могъ, ставъ по душѣ и по тѣлу гораздо чище готовившихся принять скрижали отъ Моисея. Ибо ихъ очищеніе простиралось на однѣ одежды, состояло въ кратковременномъ цѣломудрїи и въ томъ, чтобы обуздать нѣсколько чрево; а для него вся протекшая жизнь была приуготовленіемъ къ просвѣщенію и очищеніемъ до очищенія, ограждающимъ даръ, дабы совершенство ввѣрено было чистотѣ, и даруемое благо не подвергалось опасности отъ навыковъ, противоборствующихъ благодати. *При выходѣ изъ воды осіяваетъ его свѣтъ и*

слава достойная того расположенія, съ какимъ приступилъ онъ къ дарованію вѣры. Сіе явственно было и для другихъ (курсивъ мой). Хотя они сохранили тогда чудо въ молчаніи, не осмѣливаясь разглашать, потому что каждый почиталъ себя одного видѣвшимъ; однако же вскорѣ сообщили о томъ другъ другу. Но тому, кто крестилъ и совершилъ его таинствомъ, видѣніе было весьма ясно и вразумительно, и онъ не могъ сохранить его втайнѣ, но всенародно возвѣстилъ, что помазалъ Духомъ своего преемника“. (Часть 2-я, стр. 92—93).

Такія знаменія „внутренняго свѣта“ при крещеніи бывали не разъ и не въ одно только древнее время. Одинъ священникъ писалъ Льву Н. Толстому, убѣждая его вернуться въ Церковь, что онъ, священникъ, своими собственными глазами, каждый разъ видитъ свѣтъ, при совершеніи таинства крещенія. (Письмо это было напечатано въ журналъ „Христіанинъ“, изд. Преосвящ. Евдокима).

Эти и др. подобные факты нельзя ни оспаривать, въ виду ихъ многочисленности, ни гѣмъ менѣе отрицать. Ихъ можно только игнорировать, какъ игнорируются многіе иные феномены духовной жизни, и по-разному объяснять. Происходившіе нѣкогда на Аeonѣ споры о природѣ „эаворскаго свѣта“ служатъ наилучшей „исторической“ гарантіей дѣйствительности подобныхъ явленій.

Приведенные примѣры видимой свѣтозарности не составляютъ, собственно говоря, самаго „внутренняго свѣта“, о которомъ у насъ рѣчь. Они лишь служатъ вѣншей оболочкой, дополнительнымъ аксессуаромъ, утверждающимъ со стороны даже вѣшняго опыта, реальность „внутренняго свѣта“ въ моменты, такъ сказать, его наивысшаго напряженія.

Указанными примѣрами внутренняго свѣта и его отраженій, какъ наиболѣе типичными, заимствованными изъ области религіозно-христіанской мистики, я хотѣлъ только доказать самый фактъ существованія „внутренняго свѣта“. Однако, явленіе это, хотя и не въ такой типичной формѣ, имѣетъ болѣе обширную сферу существованія. Его можно констатировать и въ мистикѣ другихъ религій: буддизмѣ, магометанствѣ и даже язычествѣ, не говоря о христіанскихъ инославныхъ исповѣданіяхъ и сектахъ. Съ другой стороны,

„внутренній свѣтъ“ находитъ себѣ широкое примѣненіе въ обиходѣ нашей обыденной жизни.

Первое положеніе—наличность „внутренняго свѣта“ въ нехристіанскихъ религіяхъ, даже въ язычествѣ (Плотинъ и др. неоплатоники), не должно насъ смущать потому, что, если физическое солнце, по благодати Отца Небеснаго, одинаково освѣщаетъ добрыхъ и злыхъ, то, по той же безпредѣльной благодати, и внутренній свѣтъ можетъ озарять (конечно, не одинаково, въ этомъ д. б. разница между физическимъ и духовнымъ свѣтомъ) не только христіанъ, но и нехристіанъ, по крайней мѣрѣ, „избранниковъ“.

Св. Іоаннъ Богословъ называетъ Божественный Логосъ свѣтомъ, „просвѣщающимъ всякаго человека, вступающаго въ міръ“. (Ин. 1, 9). Слѣдовательно, по ученію Евангелиста—Богослова, духовнаго, внутренняго свѣта—свѣта истины и жизни,—не лишенъ и язычникъ, хотя и затмевающий своею ложью и нечистотой свѣтъ Логоса, но не помрачающій его въ себѣ до полнаго, безслѣднаго уничтоженія (что признается нами, напр., и относительно „Образа Божія“).

Апологеты, начиная со Св. Іустина Мученика, учили, что „сѣмя“, или, что то же, свѣтъ Логоса, воплотившагося со всею полнотою только во Христа, тѣмъ не менѣе, въ разсѣянномъ видѣ присуще всему міру, причемъ особенно замѣтно выступаетъ въ законодателяхъ, поэтахъ и мудрецахъ, бывшихъ для язычниковъ тѣмъ же, чѣмъ служили, по ученію Апостола Павла, законъ и пророки для евреевъ, т. е. путеводителями ко Христу, только, конечно, въ гораздо слабѣйшей степени.

Итакъ, безъ противорѣчія самому же христіанскому ученію, мы не можемъ ограничивать область „внутренняго свѣта“ однимъ христіанскимъ міромъ, но должны расширить ее до болѣе далекихъ границъ. Значить, въ извѣстномъ смыслѣ и въ нѣкоторой мѣрѣ внутреннимъ свѣтомъ обладали и Будда (вспомнимъ его „ночь просвѣщенія“), и Сократъ (*δικαιολογος*), и Платонъ, и Плотинъ, и Магометъ и Лютеръ—до современныхъ намъ писателей и мыслителей,—до Толстого включительно,—такъ какъ въ ихъ ученіи, кромѣ явной противоположности христіанству, слѣдовательно, темной стороны, была и есть другая свѣтлая сторона—истина.

Второе положеніе, устанавливаемое здѣсь, имѣетъ тотъ

смысль, что внутренній свѣтъ не только не ограниченъ православной мистикой, гдѣ онъ имѣетъ свое наиболѣе типичное, „яркое“ до внѣшнихъ фотизмовъ выраженіе, но и сферой религіознаго опыта вообще. Онъ имѣетъ огромную цѣнность и въ другихъ духовныхъ дѣятельностяхъ человѣка, благодаря чего понятіе „внутренняго свѣта“ еще болѣе расширяется. Пусть солнце ярко блещетъ въ голубомъ высокомъ небѣ, но оно льетъ свои лучи и на грѣшную землю, и здѣсь, на землѣ, оно не только освѣщаетъ вершины горъ, блещетъ на крестахъ и „золотыхъ маковкахъ“ храмовъ, но и проникаетъ въ лачуги бѣдняковъ, даже въ вертепы злодѣевъ.

„Внутренній свѣтъ“ это не только тропическій лучъ, сверкающій въ душѣ мистика и вызывающій пышный расцвѣтъ всѣхъ ея силъ, но и—сѣверное холодное сіяніе фантазіи художника, сумеречное ясновидѣніе поэта, „волшебный фонарикъ“, тихо мерцающій въ мысли ученаго.

„Внутреннему свѣту“ не только всѣ религіи, но и вся учено-художественно-практическая дѣятельность человѣка обязана всѣмъ, что въ ней есть наиболѣе величественнаго и цѣннаго, возвышеннаго и глубокаго.

Въ широкомъ значеніи слова, „Внутренній свѣтъ“, это—озареніе души мыслителя новой плодотворной идеей, это—прозрѣніе таланта, гениальная мысль, творческое вдохновеніе, философская интуиція.

Логика человѣка съ ея органомъ—мозгомъ отчасти замѣнима: какъ есть пишущія и счетоводныя машины, облегчающія и замѣняющія письмо и математическое соображеніе: какъ есть граммофоны, увѣковѣчивающіе и замѣняющіе живую рѣчь и т. д.,—такъ возможны и „думающія“, логическія машины, (одна изъ такихъ недавно демонстрировалась въ Москвѣ), замѣняющія человѣческую мысль со всей ея механикой. Но „внутренній свѣтъ“ незамѣнимъ, какъ своеобразная духовно-жизненная стихія.

Оканчивая первую главу очерка, въ которой имѣлось въ виду дать только общее констатированіе факта „внутренняго свѣта“, не могу не отослать читателей къ изслѣдованіямъ, болѣе полнымъ и компетентнымъ, каковыми являются: „Многообразіе религіознаго опыта“ В. Джемса, „Свѣтъ Незримый“ М. В. Лодыженскаго, „О духовной истинѣ“ свящ. П. А. Флоренскаго.

II.

Переходя къ выраженію *τὸ φῶς τὸ ἐν σοί*, послужившему отправной точкой настоящей статьи, можно съ несомнѣнно-стью утверждать, что рѣчь идетъ здѣсь именно о „внутреннемъ свѣтѣ“.

Докажемъ сначала, что идея внутренняго свѣта не чужда ни Библии вообще, ни Евангелію въ частности и особен-ности.

Библия для насъ—памятникъ Божественнаго Откровенія. Самый текстъ этого памятника мы признаемъ бого-вдохновеннымъ. Откровеніе же и вдохновеніе не только въ тѣсномъ, теологическомъ значеніи слова, но и въ широкомъ, общечеловѣческомъ—примѣнительно къ философскому или поэтическому творчеству, суть явленія „внутренняго свѣта“. Извѣстно, что Св. Отцы, сами будучи „богопросвѣщенными“, если только не понимали боговдохновенности механистически, въ смыслѣ „богоодержимости“, то разумѣли подъ нимъ именно особое состояніе внутренняго „озаренія“, виновникомъ котораго былъ Св. Духъ.

Факты пророчества, прозрѣнія въ будущее и прошлое, безъ внутренняго свѣта, были бы непонятны и невозможны, какъ лишенная физическаго свѣта пространственная перспектива.

Не оставляютъ въ томъ никакого сомнѣнія и такія выраженія, какъ: „во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“, или наставленіе Апостола Петра внимать пророческому слову, пока не озаритъ день и не взойдетъ денница въ собственномъ сердцѣ.

Наконецъ, какъ Ветхому, такъ и Новому Завѣтамъ извѣстны и вѣщнія свѣтоявленія. Такъ, Моисей долженъ былъ прикрывать лицо своего рода вуалемъ, вслѣдствіе исходящаго отъ него ослѣпительнаго блеска. Свѣтомъ сопровождались въ Новомъ Завѣтѣ явленія ангеловъ...

Что касается Евангелія, то, какъ часть Божественнаго Откровенія и Библии, оно не можетъ не раздѣлять общей идеи „внутренняго свѣта“.

Но Евангеліе есть особеннѣйшая часть, или точнѣе полнота Откровенія, такъ сказать, „Библия въ Библии“. Это—солнце, въ сравненіи съ которымъ другія боговдохновенныя книги—только планеты, сіяющія заимствованнымъ свѣтомъ.

Тамъ вѣщалъ Богъ устами пророковъ; здѣсь говоритъ съ нами Сынъ Божій—Богочеловѣкъ, вся жизнь Котораго была откровеніемъ—свѣтомъ.

Я—свѣтъ міру (Ин. VIII, 12)—возглашаетъ Христосъ, давая разумѣть въ себѣ абсолютное средоточіе внутренняго свѣта. Онъ не носитель только свѣта, какъ пророкъ, не темный самъ по себѣ и лишь загорающійся отъ приобщенія Божеству свѣтильникъ, какъ мистикъ, а Само-Свѣтъ, воплощенный, ипостасный Свѣтъ. Эта идея „свѣта“ въ ученіи Господа проступаетъ не рѣдко, особенно въ четвертомъ Евангелии. И каждый, вѣрующій въ Него, по собственному опыту знаетъ, что своимъ внутреннимъ просвѣщеніемъ онъ обязанъ именно этому всемірному свѣту, какъ солнцу—въ мірѣ физическомъ. Христіанство это не только религія любви, но и въ такой же мѣрѣ свѣта. Сосредоточенію во Христѣ внутренняго свѣта соотвѣтствовалъ и свѣтъ внѣшній. Сюда относится прежде всего свѣтъ Преображенія еаворскій—свидѣтелями котораго были три ученика, а затѣмъ дамасскій свѣтъ, физически ослѣпившій, но за-то духовно просвѣтившій Савла и преобразившій его въ Павла.

Поставимъ теперь изреченіе *τὸ φῶς τὸ ἐν σοὶ* въ сѣязь съ контекстомъ въ обѣихъ редакціяхъ.

1-я редакція—МѠ. VI, 22—23: *ὁ λυχνος τοῦ σώματος ἐστὶν ὁ ὀφθαλμός. εἰν οὖν ἢ ὁ ὀφθαλμός σου ἄπλοῦς, ὅλον τὸ σῶμά σου φωτεινὸν ἔσται· εἰν δὲ ὁ ὀφθαλμός σου πονηρὸς ἢ, ὅλον τὸ σῶμά σου σκοτεινὸν ἔσται· εἰ οὖν τὸ φῶς τὸ ἐν σοὶ σκότος ἐστίν, τὸ σκότος πόσον.*

2-я редакція—Лк. XI, 33—36: *Οὐδεὶς λυχνον ἄψα· εἰς κρυπτήν τίθησιν οὐδὲ ὑπὸ τὸν μόδιον, ἀλλ' ἐπὶ τὴν λυχνίαν, ἵνα οἱ εἰσπορευόμενοι τὸ φέγγος βλέπωσιν. ὁ λυχνος τοῦ σώματος ἐστὶν ὁ ὀφθαλμός σου. ὅταν ὁ ὀφθαλμός σου ἄπλοῦς ἢ, καὶ ὅλον τὸ σῶμά σου φωτεινὸν ἔσται· ἐπὰν δὲ πονηρὸς ἢ, καὶ τὸ σῶμά σου σκοτεινὸν· σκόπει οὖν μὴ τὸ φῶς τὸ ἐν σοὶ σκότος ἐστίν. εἰ οὖν τὸ σῶμά σου ὅλον φωτεινὸν, μὴ ἔχων μέρος τι σκοτεινὸν, ἔσται φωτεινὸν ὅλον ὡς ὅταν ὁ λυχνος ἐν τῇ ἀστραλῇ φωτίζῃ σε.*

Я не выпиcываю здѣсь ни предшествующихъ, ни послѣдующихъ словъ, такъ какъ прямого отношенія къ ученію

о свѣтѣ они не имѣютъ, и, потому, въ редакціяхъ они не совпадаютъ.

Смыслъ же приведенныхъ строкъ для всякаго непредубѣжденнаго и не отуманеннаго ни схоластикой, ни каба-листикой, читателя долженъ быть ясенъ. Рѣчь идетъ, очевидно, о внутреннемъ свѣтѣ по аналогіи съ свѣтомъ физическимъ (нужнымъ для „тѣла“), приемникомъ котораго служитъ человѣческой глазъ.

Господь, указывая, быть можетъ, на горѣвшій передъ нимъ свѣтильникъ (см. ред. Лк.) и беря отсюда свой образъ, какъ это Онъ дѣлаетъ неоднократно, называетъ глазъ „свѣтильникомъ тѣла“ (обѣ редакціи).

Основаніемъ такого сравненія служитъ то назначеніе, которому служатъ глаза въ организмѣ, и свѣтильникъ въ домѣ. Подобно тому, какъ съ помощью свѣтильника вступающіе въ домъ различаютъ предметы, такъ и благодаря зрѣнію или глазу человѣкъ ориентируется въ мірѣ. Другое основаніе—въ самомъ устройствѣ того и другого, крупкомъ матеріалѣ, формѣ, размѣрѣ и т. д. Словомъ, ни съ чѣмъ другимъ сравненіе глаза не можетъ быть вѣрнѣе и изящнѣе, какъ со свѣтильникомъ (*λύχνος*).

„Если, поэтому“, продолжаетъ развивать свое ученіе Божественный Наставникъ: „глазъ твой простъ“, т. е. чѣлъ, здоровъ, чистъ, смотритъ прямо и т. д., то и „все тѣло твое будетъ свѣтлымъ“ (обѣ ред.), будетъ наполнено свѣтомъ, какъ наполняется имъ комната съ горящимъ впереди свѣтильникомъ, чтобы видны были окружающіе предметы. „Если же глазъ твой лукавъ“,—слѣпъ, боленъ, засоренъ,—„то и все тѣло твое будетъ темнымъ“ (обѣ ред.), будетъ погружено во мракъ, какъ бываетъ темна ночью комната, лишенная свѣтильника.

Конечно, рѣчь Христа о свѣтѣ и глазѣ не была вѣдь лекціей по офталмологіи. Онъ не училъ о законахъ оптики. Его слова—„духъ и жизнь“, Онъ училъ о тайнахъ Царствія Божія, поучалъ законамъ вѣчной, божественной жизни. Тотъ же характеръ имѣло Его ученіе и здѣсь. Предшествующая рѣчь о „свѣтильникѣ“ и „глазѣ“ была лишь предвареніемъ, притчею, уподобленіемъ къ послѣдующему слову о „внутреннемъ свѣтѣ“, какъ объ одномъ изъ законовъ духовной, богочеловѣческой жизни.

„Если же свѣтъ, который въ тебѣ, есть тьма, то сколь велика тьма“ (Мѳ.). „Свѣтъ, который въ тебѣ“, это и есть евангельская формула *внутренняго свѣта*, такъ какъ только о немъ можно сказать, что онъ „въ тебѣ“, внутри человѣка, а не внѣ тебя.

Мысль Спасителя такова. Если есть въ тебѣ свѣтъ, если душа твоя озаряется имъ, какъ свѣтильникомъ домъ, то благо тебѣ. Но если свѣтъ этотъ, который долженъ быть внутри тебя, погасъ, уступилъ мѣсто мраку, сталъ тьмою,—то сколь велика, какъ ужасна, какъ опасна эта тьма! Насколько душа цѣннѣе тѣла, настолько свѣтъ внутренній, или духовный, важнѣе внѣшняго, физическаго и, обратно, настолько же внутренняя, духовная тьма опаснѣе, губительнѣе, ужаснѣе мрака ночи и слѣпоты. Выкалывающій себѣ глазъ лишается органа, нужнаго только для временной жизни, (Мѳ. V, 29, и паралл.). Теряющій внутреннее зрѣнiе утрачиваетъ съ нимъ вмѣстѣ и вѣчную, божественную жизнь, принадлежностью которой такъ же, какъ и жизни физической, является свѣтъ (Ин. 1, 4 и др.).

Евангелистъ Матѳеи сохранилъ только отрицательную часть этой мысли. Евангелистъ Лука выразилъ ее съ обѣихъ сторонъ: отрицательной и положительной.

„Смотри же, свѣтъ, который въ тебѣ, не есть ли тьма“? Это—отрицательная половина редакци Луки. Мы обязаны слѣдить за внутреннимъ свѣтомъ, какъ смотримъ за свѣтильникомъ и глазомъ, подливаемъ масла, поправляемъ свѣтильню и т. д., лечимъ глазъ, вынимаемъ соринку и пр. То же обязаны мы дѣлать и въ отношеніи внутренняго свѣта. Небрежность здѣсь безконечно опаснѣе, чѣмъ въ отношеніи свѣтильника или глаза. Итакъ, мы должны тщательно наблюдать, чтобы свѣтъ, который въ насъ, не померкъ, не сталъ тьмою. Мы должны беречь свой „внутренній свѣтъ“, какъ „зѣницу ока“, какъ дорожимъ единственной спичкой въ домѣ...

Наоборотъ, „если все тѣло твое освѣщено, такъ что ни одной части въ немъ не остается темной“...—примѣнительно ко внутреннему свѣту, о которомъ главная рѣчь: если вся душа твоя, до послѣдняго, самаго отдаленнаго уголка, освѣщена внутреннимъ свѣтомъ то „оно будетъ все свѣтлымъ, какъ бы свѣтильникъ освѣщалъ тебя яркимъ сіяніемъ“—то есть, все существо твое будетъ тогда свѣтоноснымъ, оза-

ряясь изнутри точно блескомъ свѣтильника. Такова положительная часть редакціи Луки.

Итакъ, обѣ редакціи подъ таинственнымъ титуломъ *τὸ φῶς τὸ ἐν σοί* говорятъ о внутреннемъ духовномъ свѣтѣ, аналогіей и параллелью котораго въ мірѣ физическомъ является свѣтъ видимый глазомъ, или внѣшній. Христосъ констатируетъ въ насъ присутствіе этого свѣта и учитъ беречь его, какъ сокровище.

Теперь намъ понятно также, почему, характеризуя глазъ Христосъ обозначаетъ его качество этическими терминами: *ἀπλοῦς* и *ποηρός*. Вѣдь глазъ является только подобіемъ, аналогіей того внутренняго, духовнаго ока, отъ цѣлости или порчи котораго зависитъ наше внутреннее зрѣніе. Это же око, будучи духовнымъ, должно характеризоваться непременно словами, имѣющими этическое содержаніе. Благодаря этому, самая притча о свѣтильникѣ и глазѣ получаетъ характеръ еще болѣе прозрачнаго намека.

Сила „внутренняго свѣта“ такъ же, какъ и область его, можетъ быть различной: отъ „эаворскаго свѣта“ до обыкновенной „свѣтлой“ мысли включительно; отъ озаренія имъ одного разума до равномернаго осіянія всѣхъ уголковъ души, когда „ни одной части въ ней не остается темной“.

Превосходную иллюстрацію этой частной мысли мы находимъ у Преп. Макарія Великаго.

„Иногда огонь сей возгарается и воспламеняется сильнѣе, а иногда какъ бы слабѣе и тише, въ иныя времена свѣтъ сей возжигается и сіяетъ болѣе, иногда же умалется и меркнетъ; и свѣтильникъ сей, всегда горя и свѣтя, иногда дѣлается яснѣе, болѣе возгарается отъ упоенія Божіею любовію, а въ другое время издаетъ сіяніе свое бережливо, и соприсушій въ человѣкѣ свѣтъ бываетъ слабѣе.

„Сверхъ того, инымъ во свѣтѣ являлось знаменіе креста и пригвождалось во внутреннемъ человѣкѣ. Иногда также являлось какъ бы свѣтоносное нѣкое одѣяніе, какого нѣтъ на землѣ въ вѣкѣ семь, и какого не могутъ приготовить руки человѣческія. Ибо какъ Господь, съ Іоанномъ и Петромъ возшедши на гору, преобразилъ ризы свои и содѣлалъ ихъ молніевидными, такъ бывало и съ онымъ одѣяніемъ, и облаченный въ оное человѣкъ удивлялся и изумѣвалъ. Въ иное

же время свѣтъ сей, являсь въ сердцѣ, отверзалъ внутреннѣйшій, глубочайшій и сокровенный свѣтъ... Но послѣ сего благодать умалялась, и нисходило покрывало сопротивной силы; благодать же бывала видима какъ бы отчасти, и на какой-то низшей степени совершенства.

„Человѣку надобно, такъ сказать, пройти двѣнадцать ступеней, и потомъ достигнуть совершенства. Потомъ благодать снова начинаетъ дѣйствовать слабѣе, и человѣкъ нисходитъ на одну ступень, и стоитъ уже на одиннадцатой. А иной, богатый благодатію, всегда день и ночь стоитъ на высшей мѣрѣ, будучи свободенъ и чистъ, всегда плѣненъ и выпренъ...

„На дѣлѣ же бываетъ такъ: подобно сгущенному воздуху какая-то какъ бы примрачная сила лежитъ на человѣкѣ и слегка прикрываетъ его. Свѣтильникъ непрестанно горитъ и свѣтитъ; однако же, какъ бы покрывало лежитъ на свѣтѣ; и посему, человѣкъ признается, что онъ еще не совершенъ и не вовсе свободенъ отъ грѣха; почему, можно сказать, что средостѣніе ограды уже разорено и сокрушено, и опять въ иномъ чѣмъ-нибудь разорено не вовсе и не навсегда. Ибо бываетъ время, когда благодать сильнѣе воспламеняетъ, утѣшаетъ и упокоиваетъ человѣка; и бываетъ время, когда она умаляется и меркнетъ, какъ сама она домостроительствуетъ сіе на пользу человѣку“... („Преп. отца нашего Макарія Египетскаго духовныя бесѣды, посланіе и слова“. Пер. съ греч. Моск. Дух. Академіи. Изд. 4-е. 1904. Бесѣда 8-я. Стр. 69—70).

На какой бы ступени духовнаго просвѣщенія мы ни стояли, намъ заповѣдано беречь свой внутренній свѣтъ и стремиться къ высшему совершенству. Въ противномъ случаѣ—небреженія о внутреннемъ свѣтѣ,—онъ можетъ погаснуть, какъ гаснетъ выгорѣвшая до капли лампада, померкнуть, какъ меркнетъ глазъ, лишенный всякаго ухода, и намъ грозятъ духовная слѣпота и внутренняя тьма,—опасность смѣшенія истины съ ложью, добра со зломъ, красоты съ безобразіемъ, божественнаго съ человѣческимъ и даже съ сатанинскимъ, подобно тому какъ физически слѣпой или находящійся въ темной, неосвѣщенной комнатѣ человѣкъ смѣшиваетъ бѣлое съ чернымъ, письменный столъ принимаетъ за кровать, а стоящую въ углу швабру за самого хозяина.

Наставленіе Христа о внутреннемъ свѣтѣ примѣнимо сколько къ каждому человѣку, столько же и ко всякой эпохѣ. Нашъ вѣкъ гордится своей „просвѣщенностью“. И не напрасно! Сколько новыхъ разныхъ „лучей“ открыто за послѣднее время! сколько зрительныхъ стеколъ изобрѣтено человѣкомъ! Съ другой стороны и свѣточъ науки горитъ такъ ярко, какъ никогда. Но все это „просвѣщеніе“—душевно-тѣлесное, нужное только въ предѣлахъ пространства и времени. Между тѣмъ, какой смыслъ разсматривать подъ микроскопомъ инфузорію и не заглянуть ни разу въ свою душу? Какая радость пользоваться электричествомъ и не видѣть никогда дневного, солнечнаго свѣта? Свѣтъ же солнечный, истинный свѣтъ, „просвѣщающій всякаго человѣка, вступающаго въ миръ“—свѣтъ внутренний, духовный. Онъ просвѣщаетъ и въ то же время животворитъ. Его—то въ современномъ человѣчествѣ и мало.

Лишенный внутренняго свѣта, человѣкъ являетъ собою жалкій типъ „зрячаго слѣпца“, у котораго роговая оболочка глаза цѣла, но зрительный нервъ парализованъ. Такой человѣкъ не способенъ отличить истиннаго блага отъ призрачнаго. Ученый, безъ внутренняго свѣта, превращается въ сухого книжника, художникъ—въ фотографа пошлой обыденщины, общественный дѣятель—въ мертваго бюрократа, священникъ—въ бездушнаго требоисправителя. Хотя логическая оболочка „внутренняго ока“ у такихъ людей и цѣла, но нервъ убитъ; „свѣтъ жизни“ погасъ.

Внутренній свѣтъ есть одна изъ стихій духовной жизни, управляемой нравственными законами: какъ свѣтъ внѣшній есть стихія космической жизни, регулируемой законами необходимости.—Поэтому, мѣра внутренняго свѣта всегда будетъ соотвѣтствовать степени нашего духовнаго совершенства. Обиліе духовнаго свѣта возможно лишь подъ условіемъ высокаго нравственнаго совершенства. Въ этомъ мы фактически убѣждаемся на примѣрѣ и ученіи Святыхъ, соединявшихъ въ себѣ съ духовнымъ превосходствомъ и яркій, доходившій до внѣшняго осіянія, блескъ „внутренняго свѣта“.

Въ заключеніе я позволю себѣ—исходя изъ основной евангельской параллели, провести дальнѣйшую аналогію между свѣтомъ внутреннимъ и внѣшнимъ.

1. Дѣйствія внѣшняго свѣта *несообщимы*. Безполезно говорить слѣпому о солнцѣ и свѣтѣ, цвѣтахъ и краскахъ, радугѣ и сѣверномъ сіяніи. Онъ можетъ повѣрить вамъ слово, признать все это, но ни яснаго представленія, ни точнаго понятія, одними словами, безъ соотвѣтствующаго опыта, вызвать нельзя. Только зрячіе люди могутъ понимать другъ друга, когда рѣчь идетъ о свѣтѣ.

Дѣйствія внутренняго свѣта также *неизреченны*. Мы не можемъ ни понять надлежащимъ образомъ, ни ясно представить себѣ не только тѣхъ состояній, которыя извѣстны у мистиковъ подъ общимъ именемъ „созерцаній свѣта“, но и,—что гораздо ближе къ намъ: сущности творческаго вдохновенія, интуитивнаго просвѣтленія мысли, если сами этого не испытывали. Изреченія священныхъ и богослужебныхъ книгъ, отеческихъ твореній о „свѣтѣ“—пустое мѣсто для насъ, хотя ихъ тамъ такъ много и такъ они выразительно-ярки. Если мы не совсѣмъ отрицаемъ подобныя выраженія и факты, мы игнорируемъ ихъ или интерпретируемъ въ узко-интеллектуальномъ смыслѣ. Только люди, „просвѣщенные“, могутъ понять и оцѣнить, что значитъ „внутренній свѣтъ“ и каковы его дѣйствія. Однако, какъ бы непонятны и странны намъ ни казались подобныя феномены: мистическія озаренія, еаворскій свѣтъ, пророчество, ясно-видѣніе вдохновеніе, интуиція и пр.—эти радуги и излученія внутренняго свѣта, мы, хотя на слово, обязаны вѣрить тѣмъ, кто это испыталъ и не отрицать, по крайней мѣрѣ, самаго существованія „внутренняго свѣта“.

2. Если для зрячихъ людей природа внѣшняго свѣта представляетъ загадку, то еще болѣе таинственна природа свѣта внутренняго. Существо этого свѣта *божественно-непостижимо*.

Наука пытается различными гипотезами опредѣлить природу свѣта, но пока безуспѣшно. Ученые и философы мыслили и мыслятъ о свѣтѣ различно. Одна гипотеза смѣняетъ другую.

Декартъ представлялъ себѣ свѣтъ, какъ давленіе, производимое свѣтящимся тѣломъ на глазъ, чрезъ посредство наполняющей пространство матеріи. Теорія эта была скоро отброшена, такъ какъ соединялась съ ученіемъ о мгновенной передачѣ свѣта отъ предмета къ наблюдателю. Декарту еще не извѣстно было, что свѣтъ имѣетъ опредѣленную скорость,

впервые установленную Ромеромъ. Тѣмъ не менѣе мысль о давленіи свѣта, какъ показали новѣйшія изслѣдованія (напр., Лебедева), оказалась по существу правильной. Изъ двухъ соперничавшихъ послѣ того гипотезъ: эманационной—Ньютона и вибраціонной—Гюйгенса, верхъ на долгое время одержала послѣдняя.

Большинству ученыхъ казалось не возможнымъ, чтобы частицы, или корпускулы свѣтовой матеріи, могли съ такой скоростью, какая была установлена для свѣта, пробѣгать пространство, что утверждалось теоріей эманации. Имъ вмѣстѣ съ Гюйгенсомъ легче было представить себѣ только передачу съ такою именно скоростью (200,000 кил. въ секунду) по волнамъ эѳира энергіи отъ источника свѣта къ органу зрѣнія. Устранялись этой гипотезой и другія затрудненія въ пониманіи явленій свѣта. Но главнымъ основаніемъ была для нихъ все же трудность представленія такой скорости матеріальныхъ частицъ, съ какою свѣтъ распространяется въ пространствѣ. Имъ, какъ въ свое время Декарту—скорость свѣта, невѣдомы были ни радій, ни другія новѣйшія открытія въ области физики, преодолюющія всѣ подобныя затрудненія. Теперь же, когда открыты лучи радія, нѣкоторыя изъ частицъ котораго обладаютъ скоростію свѣта, главное возраженіе противъ эманационной теоріи падаетъ. Имѣя же, въ другомъ отношеніи, преимущества предъ вибраціонной теоріей, эманационное ученіе получаетъ въ наши дни все большій и большій перевѣсъ, такъ что въ концѣ концовъ Ньютонъ оказывается болѣе правъ, чѣмъ Гюйгенсъ. Но мы еще не знаемъ, какимъ открытіемъ и какой теоріей насъ можетъ подарить будущее.

Указанное разнообразіе и колебаніе научной мысли о природѣ физическаго свѣта поучительно въ томъ отношеніи, что, если мы такъ мало знаемъ о явленіяхъ окружающаго насъ міра, если, не смотря на всю ихъ общедоступность и каждодневный опытъ, они оказываются трудно постижимыми, то духовный міръ кроетъ въ себѣ еще болѣе тайнъ и, потому, явленія его, къ которымъ относится „внутренній свѣтъ“, еще менѣе объяснимы. Кто постигъ секретъ вдохновенія поэта? Какой психологъ понялъ тайну творчества? На высшихъ же ступеняхъ христіанской мистики, „внутренній свѣтъ“ есть „велия благочестія тайна“.

3. Приемникомъ внѣшняго свѣта служитъ глазъ, источникомъ солнце,—центральное свѣтило, по крайней мѣрѣ, для нашего земного и вообще солнечнаго міра. Есть также свой органъ и свой объективный источникъ у свѣта внутренняго. Такимъ органомъ выступаетъ разумъ, почему внутренній свѣтъ называется „умнымъ“, иногда сердце, или совѣсть. Источникомъ же является Богъ—Центръ всего духовнаго міра. „Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ“ (Мѡ. V, 8). „Богъ—возвѣщаетъ отъ Лица Сына Его евангелистъ-Богословъ: „есть свѣтъ, и нѣтъ въ немъ ни какой тьмы“ (1 Ин. 1, 5). На солнцѣ есть все-таки пятна. А Богъ—Солнце безъ пятенъ. Самъ будучи для Себя Свѣтомъ, Онъ является Источникомъ всякаго, по преимуществу же внутренняго свѣта и для другихъ существъ. Оттого—въ своихъ высшихъ обнаруженіяхъ „внутренній свѣтъ“ есть „свѣтъ Божественный“. Это признаютъ всѣ мистики.

4. Свѣтъ физическій дѣлаетъ видимыми всѣ окружающіе насъ предметы. Свѣтъ духовный, озаряя нашъ внутренній міръ, даетъ возможность на высшихъ ступеняхъ „созерцать“, на низшихъ—понимать объекты міра невидимаго, ихъ соотношенія и связь; открываетъ тайны прошлаго и будущаго; вводитъ въ постиженіе религіозныхъ истинъ, умозрѣній, идей.

Физическій свѣтъ не только свѣтитъ, но и грѣетъ, оплодотворяетъ. Равнымъ образомъ и духовный свѣтъ, не просвѣщаетъ лишь, но и радуется, животворитъ.

Внѣшне-физическій свѣтъ не есть ни магнетизмъ, ни электричество, ни какой-нибудь газъ. Это особый родъ энергии, особый продуктъ Божественнаго Творчества. Внутренне-духовный свѣтъ также не отождествимъ ни съ совѣстью, ни съ разумомъ, ни съ сердцемъ, хотя всѣ эти стороны нашей души въ большей или меньшей степени могутъ быть проникнуты имъ. Это особый факторъ внутренней жизни, самобытное явленіе, не сводимое ни на одну изъ душевныхъ дѣятельностей.

Свѣтъ физическій, по своему матеріальному субстрату, является собою, въ отношеніи къ нашему тѣлу внѣшне-объективную реальность. Нашъ глазъ служитъ только приемникомъ свѣта, органомъ его уловленія. Духовный свѣтъ, въ своей непостижимой сущности, превышаетъ всякой души. Онъ

присущъ духовному міру, какъ цѣлому. Чистое сердце, возвышенный умъ, чуткая совѣсть и пр. только средство его созерцанія. Но самъ по себѣ онъ трансцендентенъ въ отношеніи нашего духа.

А. Туберовскій.
